

Михаил Асламов

ЗИМНИК

Дальневосточный поэт Михаил Феофанович Асламов родился в 1929 году на станции Бира Хабаровского края в семье рабочего. Закончил судостроительный техникум, работал мастером, старшим инженером. После окончания Высших литературных курсов заведует отделом поэзии в журнале «Дальний Восток». Автор поэтических сборников «Пусть настужь дверь», «Начало дня», «Человек с черемухой», «Большое солнце», «Взгляд» и другие.

Михаил Асламов
ЗИМНИК

Хабаровское книжное издательство
1984

84.3
P2
A90

Художник Н. В о л о д и н а

A $\frac{4702010200-72}{M160 (03)-84}$ 40—84

© Хабаровское книжное издательство, 1984

* * *

Спит село на Осиновой речке,
И железная спит ПМК
Под целинной пустошью млечной,
Не освоенной ею пока.

Хорошо мне, на лавочке сидя,
Отрешась от забот и обид...
Дрыхнет тот, кто меня ненавидит,
И кто любит, наверное, спит.

Почивает собака на сене...
Тишина...

 Может, вправду, дана
Ночь такая душе во спасенье,
Безоглядно открытой до дна?

Не с того ли под звездным сияньем,
Ощущая струящийся хлад,
Все шепчу я слова покаянья,
Хоть не знаю — а в чем виноват?

Атеист, затерявшийся в чаще
Шумных будней, учусь понимать,
Что, наверное, все-таки чаще
Надо к небу глаза поднимать.

Не затем, чтобы бога прославить!..
Жаль, астрологи перевелись:

Попросил бы я нынче составить
Гороскоп на остатнюю жизнь.

Но любой гороскоп не сгодится,
Ибо, верный науке своей,
Не учел бы астролог в таблице
Огонек сигаретки моей.

А она уж совсем догорела
Под кусточком падучей звездой...
Завтра снова накатится дело
И заботы — приливной водой.

Но потом — отпрошусь от работы,
Постараясь от всех утаить,
Что давно уже хочется что-то
Мне со звездами поговорить.

Запах

Снился сон. Какой — не помню,
Только помню — снился сон...
Утром было нелегко мне
В ритм дневной входить и в тон.

И в груди слегка щемило,
Словно в чем-то виноват...
Это чем же пахнет

мыло

С парфюмерией не в лад?

Так знаком мне этот запах,
С мягкой горечью — грибной.
Он полдня на мягких лапах
Так и шествовал за мной.

Сон не помнить — как ужасно!
Сколько смысла в вещих снах!..
Стой!

Так это ж пахнет маслом,
Маслом, сбитым в шестернях!

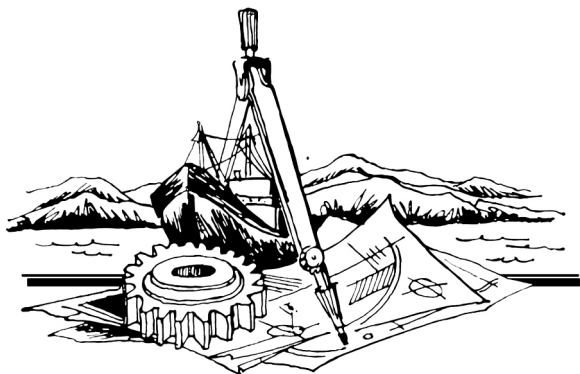
И, на миг лишь озадачен,
Догадался я вполне:
Этот запах не иначе,
Как из сна, пришел ко мне.

Точно. Вспомнил: снилось детство,
Снилась давняя весна —
Детство,
 что в жестоком действе
Напрочь срезала война.

И под той пилой на срезе
Выступил,
 как пот на лбу,
Сок,
 питающий железо.
Да, железо. И — судьбу.

Город юности

*Выпускникам 1950 года
Комсомольского-на-Амуре
судостроительного техникума.*

Этот город я знаю,
Так помнится сыну — отец...

На ладони натруженной —
С ветки упавший птенец.
Значит, надо теперь
Что-то дать ему, чтоб — поклевать,
Да к тому же помочь
На крыло бы заморышу встать...

Ах, как голодно было!
Но город и сам голодал.
Он и сам голодал,
Но рабочую карточку дал,

Чтобы равным я был
В работающей огромной семье,
И представил мне место
На тесной учебной скамье.

Первый
 послевоенный набор:

Выпускник семилетки
И при всех орденах
С ним рядочком
Комвзвода разведки —
И сжимает он ручку
Чернильную,
Как парабеллум,
Перед бруствером грозным
Наук корабельных.

Храм науки...
Вернее же — цех, а не храм.
Беспощадным звонком
Он жестоко будил по утрам
Нас,

 смертельно измученных
Гонкой авралов ночных
На подряде у станции
Возле вагонов мучных.

Но отроду был город —
Словно бы справедливость сама:
Никогда,
 никому,

 ничего
Не давал задарма!

В пиджачках довоенных
Взывали к нам учителя —
И долбили, долбили,
Волнуясь, страдая, коря.
И, от «неудов» злой,
Пусть комвзвода бормочет:
«Фашисты...» —
Он еще им поклонится —
Слабым,
 безжалостным,
Чистым...

Помню все.
И над пайкой
 скупое дрожанье ножа...
Но — как вольно душе,
Если нету за ней ни гроша!
Да примите в расчет:
Время к лучшему явно течет.
За плечами — Победа!
А все остальное не в счет...

Память — словно бы остров
Над полой водой суеты...

Но в минуты отчаянья
Средь неудач и беды
Вдруг прохватит нежданно
Неистовый ветер сквозной!
И увижу себя вновь бегущим
Туда,
 к проходной.

Средь солидно идущих,
И вправду, сейчас, как птенец,

Я мечусь, тороплюсь —
Не замерзнуть чтобы вконец!
В парусиновых туфельках,
Стеганка под пояском —
Я бегу, набавляя,
Мне только и можно — бегом!
Я влечу в проходную,
К батарее прильну хоть на миг...

И выходит, упорство
Познается совсем не из книг.
Так учил меня город
Упорству без книжных затей...

Значит, память — не остров,
А остов всей жизни твоей!

И живу я, поныне
Ничего от тебя не тая,
Комсомольск-на-Амуре —
Неусыпная совесть моя.

Возвращение

Он ранен был в трудных боях
За город Великие Луки,
А после в родные края
Вернулся уже одноруким.

И вот умывается он —
И машет,
 и машет култышкой.
Не веря, что это не сон,
За ним наблюдает мальчишка.

Сказал он:
 — Раненько ж ты встал!
На дню-то, поди, умотались...
— Ах, папа!
 Ты так воевал!
Чего ж тебе орден не дали?..

И горестно стало ему
В сочувствии детской печали,

И вспомнилось поле в дыму...

— Ну, как же! Ну, как же!

Вручали...

И вспомнил о бывшей руке,
Которой так недоставало...

— Его я держал в кулаке,
А руку-то, вишь, оторвало...

И мальчик взглянул веселей,
И тут же сконфузился очень.

— Ты, папа, о нем не жалеяй.

— А я не жалею, сыночек...

Пророк

Был тихим мужичком
С угрюминкой во взоре,
И жил себе тишком
В своей избе на взгорье.
И беден, но не наг,
Копался в огороде,
И неприметно так
Существовал в народе.
И я б о нем забыл,
И вы бы не узнали,
Но — гром однажды был
И молнии сверкали!
И вот — пойми судьбу!
Из грозного обвала
Как раз в его избу
Вонзило небо жало.
Но вынесли его
И помереть не дали:
Как водится, всего

Землицей закидали,
Чтоб смертный огонь истек,
Земля всегда поможет.
И через долгий срок
Он оклемался все же.
Но что случилось с ним!
Народ тому дивился:
Молчун и нелюдим,
Он вдруг разговорился!
Он по селу бродил,
Одет почти убого,
Зато же говорил
Таким высоким слогом!
И помню до сих пор,
Как странно в слогe чистом
В устах его был вздор
Неотделим от смысла.
Он нес какой-то бред,
Но до того же внятно,
Что вроде б смысла нет,
А все-таки понятно.
Как будто тем огнем
Небесным

 злая сила
Убила разум в нем,
Но душу разбудила!
И в час, когда война
Вломилась в мирозданье,
Он весь был — как вина,
И весь — как состраданье.
Идет-бредет бобыль,
И всем и вся — поклоны...
А как отзывчив был
На горе похоронок!

Он в скорбный тот листок
Глядел — как бы дивился,
И молвил в потолок:
«Ишь, Федор объявился!»
Грозил: «Ужо постой!..»
Над горем неутешным,
И уходил с едой,
И оставлял надежду.
Жалел его народ,
И средь беды-разрухи
Глядели ему в рот
Все сельские старухи.
И звали на порог,
И чтили за пророка:
Не зря же его бог
Пронзил небесным током!

Сторона дорогая моя...

Сторона дорогая моя, это ты ль?..
Здесь, где дожди мыли полынный
пустырь,
Вместо изб — вековых скособоченных,
Совершенство домов шлакоблочных.
Все, что было, то сплыло, как смыла
река...

Из-под наимоднейшего козырька
Клуб — преемник бараков прогорклых,
На окрестность взирает с пригорка.

И поселком родным я брожу, изумлен,
Только столб телеграфный от старых
времен —
Долгожитель, безмерно уставший,
С поперечинкой, косо свисавшей,

На подпорке стоит инвалидом седым.
Я-то помню,
я помню его молодым!

Возбужденный струной напряженной,
Гулким раструбом вооруженный,

Он на всю-то округу и пел, и вещал,
И на тайные думы людей отвечал —
Над толпою, где хлебный ларечек
(Жив ли муж, а у этой — сыночек?..)

И старухи, не веря уже в ворожбу,
Стариков выгоняли: сходил бы к столбу!
И стекалось от шатких крылечек
У столба поселковое вече.

А слова — точно гири в толпу со столба!
И стонала от тяжких ударов толпа.
И стонала, и губы смыкала,
Так, что гневом душа закипала.

А потом — а потом ликованья слова!
Словно птицы из щедрого рукава!
Победителей памятный митинг...
Вот какой этот столб знаменитый!

Столько видеть и слышать ему довелось!
Видно, время в его сердцевине спеклось —
Коль дожил он до новоселов,
Не в пример одноклассникам веселым.

А к столбу вдруг лихой сорванец подбежал,
Он в руке круглый камушек крепко держал —
И пристукнул небольшо и глухо
По столбу и приник к нему ухом.

Стукнул снова и снова, чтоб гул не затих.
Изумленье пылает в глазах голубых,
Словно с ним собеседник занятный
Говорит, да язык непонятный.

— Что там слышно? — я спрашиваю
врасплох.

Он глядит отрешенно, как будто оглох,
Или чем-то плохим укорили...

— Почему этот столб не спилили?

— У него и спроси, он и сам не немой, —
Я ответил.

А он мне: — Ты хи-и-трый какой!

Ты волшебник?

— Ну, да. Настоящий.

Покровитель столбов говорящих...

* * *

Я бросил на табличку взгляд:
Так мало он на свете пожил!..
Как принял смерть свою солдат —
Нам не дано узнать, но все же,

Наверно, легче смерть принять,
Когда ты веришь нерушимо,
Что удалось отвоевать
Хотя бы этих три аршина!

* * *

Ну, отстрелялись
и отголосили,
Закончилась проклятая война...
Но шла еще по матушке России
Последняя
убойная волна.

И докатилась...
Я поныне помню,
Как выскочил из дома сам не свой,
Когда неожиданно, резко
мякоть полдня

Рассек истошный голос ножевой.
Соседка наша...
Как же она билась
Безумно об ограду!
— Как мне жить!..
И рядом почтальонша суетилась,
К ней близко не решаясь подступить.

А день по-майски был такой погожий,
Кружилась в небе стая голубей.
И ввинчивался в небо крик:

— О, боже!

Зачем же так?! Убей меня, убей!..

...Вот кончится молчания минута,
Ракеты будут падать и кружить...
Но даже и победные салюты
Не в силах вдовьих криков заглушить.

Приграничье

Человек и вправду привыкает
Ко всему, как говорит народ...
Вот он землю поутру копает —
Под посадку ладит огород.

По весне одни везде заботы,
Что по духу — празднику под стать.
Ишь, как ладно он вошел в работу,
Как ритмично взблескивает сталь!

И парит под теплым солнцем пашня,
Словно бы отходит ото сна,
И сверкает росно без рубашки
Беззащитно белая спина.

В ритм войти — а там пойдет, не внове!..
Только — что с ним?

Словно кто позвал.
Развернулся — как на полуслове
Начатую песню оборвал.

И застыл на миг в неловкой позе,
Опершись на черенок рукой,

Словно бы почувствовал угрозу
В перелеске близком, за рекой.

Оглядел свой бережок пологий:
Вон застава — как и должно быть...
Устыдился ли своей тревоги?
Или просто — захотел попить?

Надо ж человеку распрямиться,
Чтоб водицы кружечку — до дна!
Или для того,
 чтоб убедиться,
Что спина его защищена?..

* * *

Девочка-птаха
Играет с утра в телефончик.
Трубочку плотно
Она прижимает к ушку,
И в колокольчике рта
Бьется розовый кончик. Чем-то
взволнована,
Чувствую по голоску.

Девочка срочно звонит
В тридевятое царство
(Это же надо туда
Дозвониться суметь!)
Может, нуждаются там
В дефицитном лекарстве?
Или не знают, где скрыта
Кашеева смерть?..
Не ограничен ее телефон
Проводами,
Тем и практичней,
Признаемся мы, не кичась,
Демократичней, чем наш, —
Посудите же сами:
Даже с царями (!)
Прямая у девочки связь.

Подозреваю:
Все дети как есть — телепаты,

И потому — беззащитны,
Подобно виску.
Нам-то и надо,
Чтоб — уши заложены ватой,
Чтобы тревоги
Разбились о нашу башку!

Слову звучащему —
Шепотом или кричащему —
Верить-то верим,
Но лучше бы письменно нам,
Чтобы — для верности
И удовольствия вящего...
Можно вконец разучиться
Читать по глазам!..

За полчаса все дела разрешила —
И рада
Девочка-птаха.
А я же вот так не сумел,
Хоть абонент мой —
Всего через улицу, рядом,
А у нее —
Аж за тридевять где-то земель!

Улыбка

Та из его фотографий
Мне нравится больше всего,
Где вызовом эпитафиям
Сияет улыбка его.

А время крутое, зыбкое,
В разрухе лежит страна...
Ленинскую

улыбкою
Правда наша сильна, —

Открытой,
неотразимой,
Как исторический факт,
Как над царственным Зимним
Вспыхнувший
красный флаг.

Светя нам из дали дальней,
Веря в свое торжество,
Интер-

национальной
Стала улыбка его.

В застенках пыточной темени,

Презрев гестаповский ад,
ОНА
на лице у Тельмана —
Как обвинительный акт.
То вдруг
на свободной Кубе
Сквозь блокадный редут
Улыбкой у Кастро губы —
Ленинскою —
блеснут.

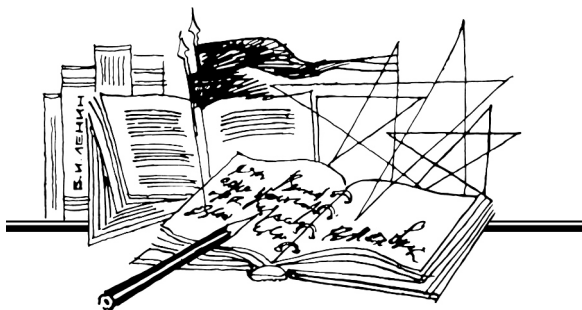
И зло на устах запенится
НАТОвский «аргумент»,
Когда улыбнется —
по-ленински —
Советский наш Президент.

Можно кричать и лаяться,
Можно от злобы выть.
Правда —
она улыбается,
Правду нельзя
убить!

Этот почерк

Вот я снова вгляжусь
 в этот, вязью стремительной,
Почерк —
И почувствую вновь,
Как на желтой бумаге
 в бунтующих строках
Клокочет
И пульсирует кровь.
Это странное чувство
 (едва ли найду объясненье)
Не отпустит меня.
А слова — как солдаты,
 бегущие в наступленье
Сквозь преграду огня!
«Промедление смерти подобно!» —
Упреждающим выстрелом
Отзовется строка.
Но откликнется разум:
 его Революция
Выстояла
И шагнула в века!
«Архисрочно!..» — читаю
 и вижу ряды интервентов
В те жестокие дни.
И торопятся строчки —
 словно бы пулеметные ленты
Скорострельны они!
«Архимедленно...» — вот как?!

И тут же — «архи-
осторожно...»
Ну, а строчка — спешит!
Так боится он за
вслед идущих
Над пропастью грозной!
И мосточек дрожит...
То, что кажется прочным, —
он видит! —
Грозится обвалом,
Не рубите сплеча!..
Как, должно быть,
за скорою мыслью
Спешить уставала
Рука Ильича!
Толщу лет пробивали
тех мыслей
Высокие токи
К сути первопричин...
И над нами звенят
проводами
Великие строки
На столбах годовщин.

* * *

...А Русь жила вальяжно и спокойно,
Мыслишек истребя чертополох,
Когда взобрался вдруг
на колокольню —
На божью! — дерзновеннейший холоп...

Стекало утро тихо и румяно
На площадь
под людской тревожный гул.
И ремешки из кожи сыромятной
Он на руках могучих захлестнул.

И крылья поднял, и вздохнул глубоко,
И, оттолкнувшись, над толпою взмыл!
И косо тень прошла
по лику бога,
И ахнул люд, и поп трусливо взвыл.

Лишь на минуту красная рубаха,
Как знамя, полыхнула на ветру.
Он с высоты низвергнулся на плаху,
А крылья были преданы костру...

Тот час далек еще,
что с колокольни
Узрел холоп, как спичечку впотьмах,

И ниточкой
 перед ушком игольным
Дрожала мысль у времени в руках.

Безжалостное время не простило
Холопу обвиненье в слепоте...
Но ярче, ярче
 спичечка светила,
Заманчивее — звезды в высоте.

И вот потомок дерзкого холопа
Из корабля
 под всепланетный гул,
Как из дому, литую дверь захлопнув,
На тропы мироздания шагнул.

И свет рубахи, негасимо красен,
На миг единый
 тьму веков прожег!
Спасибо, предок! Был он не напрасен,
Твой мудрый,
 твой отчаянный прыжок.

И время за упрямым человеком,
Из корабля шагнувшим в темноту, —
Прозревшее — стремительно и веско
Перешагнуло новую черту.

Случай в порту

Чаще стал вспоминать, замечаю,
То, что было себе же в укор...
На погрузке у стенки причальной
Напрягается Ванинский порт.

И без усталости кружатся краны —
Как у них голова не болит!
Катерок-хлопотун, как подранок,
Что никак над водой не взлетит...

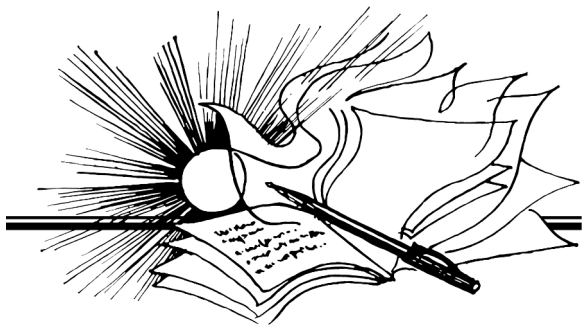
На душе беспокойно. Наверно,
Так всегда, если ты не привык, —
И душа откликается нервно
На звонок, на скрипенье, на крик.

Вон, как будто над всем над Союзом
Пламенеет огромный плакат,

И еще что-то рассыпью четкой,
Что осмыслить уже не успел.

Отскочил я — со всеми бывает!
Устыдили — забыли о том...
Но с чего бы все чаще всплывает
Этот случай в сознание моем?
То вдруг солнце
 над площадью людной
Так опасно пойдет на закат!
То из строчек газетных,
 подспудный,
Тот — «Не стойте!..» — взорвется плакат...

Больно знать — а не праздновать труса! —
 Что по воле лихих заправил
 Ощущень нависшего груза
 У двадцатого века в крови.

* * *

Черные баржи в замерзшем затоне —
Словно изюминки

в белом батоне,

И — ни души...

Словно бы Время само на отстое —
Лошадь,

позвякивающая уздою,

Снегом похрустывающая

в тиши...

Встала река.

Наработалась сладко.

Средь суеты и земных беспорядков

Вот ухитрилась

замкнуться в себя.

Хватит забот ей и без теплоходов!

Надо творить, что велела Природа,

Время текучее не торопя.

В этих заботах, Природе на прибыль,

Выкормить,

выходить

выводок рыбий —

То-то под панцирем вольно малькам!

Надо творить, что Природа велела, —

Мало ли сколько назначено дела

Рекам, земле, работающим рукам!

Мало ли что...

Но — не это, не это!

Где-то нацелены хищно ракеты...

Что же, Земля, остается тебе?

Щит —

чтобы наглухо отгородиться?

Слово —

способное договориться,

Только и значащее в судьбе?..

День начинается тихо и снежно,

Сомкнуты право- и левобережье,

Дремлет в затоне натруженный флот.

Пусть ему сны предвесенние снятся!

Будет всю зиму

перекликаться

Зимник с подледным движением вод...

* * *

В родительском доме
Так душно пахнет мятой,
Поселочек, как в вату,
Давно запал во тьму.

Не спится...
Ничего!

Вот покурю да встану,
Да выйду к океану,
К бессоннице его.

Так надо:
с полпути,
Где жил легко и разное —
Усталостно и праздное, —
К Великому прийти.

И с ним поговорить
У полосы прибойной —
И залатать пробоины,
И сердце усмирить...

Далеко лает пес —
Сподвижник пилигрима,
Качается незримо
Земля на стропах звезд.

Над головой звезда
Погибельно сверкнула —
Надежду зачеркнула...
Кому грозит беда?

Под грузом чьей вины
Вдруг лопаются стропы
Под недовольный ропот
Разбуженной волны?..

Я жду ответа, жду.
Волна не отвечает
И бережно качает
Полночную звезду...

* * *

В. А. Шаврину

Как густо, стал я замечать,
Пошли страдальцы,
А раньше их пересчитать
Хватило б пальцев.

Я знал: страдалец если, то
На нем вериги,
А тут — и шляпа, и пальто,
Под мышкой книги.

Ходил страдалец, облачась
Во власяницу,
А тут под солнцем на плечах
Кримплен лоснится.

Вон тот — такой подковы гнул
В былое время!
А как свалился вдруг на стул,
Ладонь на темя!

Кто человека обделил
Теплом и лаской?!
О чем он вдруг заговорил?
А, про Аляску!

Мол, мы в тепле, а каково
Там эскимосам?..
И в подтверждение сего
Он шмыгнул носом.

Другой взорвался в тишине:
— Больна эпоха!..
И сразу стало ясно мне,
Что дело плохо.

Он свой диагноз подписал
Печальным жестом.
Но вдруг...
 за ухом почесал
Совсем не к месту —

Как будто греясь у огня,
Притом — с оглядкой.
И тут мелькнула у меня
Как бы догадка.

Мелькнула, словно у него
За ухом палец:
Ведь он не любит никого,
Мой друг-страдалец!

Тебе во всем,
 глобальный век,
Служа похвально,
Смог научиться человек
Страдать глобально!

Глобально, не по мелочам,
А как-то в целом
(Не так, чтоб мучась по ночам
В халате белом).

Он выше этого всего,
Добра поборник...
Его страдания
его
Как раз и кормят!

Я до сих пор бы почитал
Его, страдальца,
Когда бы он не почесал
За ухом пальцем.

* * *

Детство — старое кино,
Фильмик без сюжета.
Это было так давно...
Как все было это?!

С кем — с тобой или со мной?
Летом иль зимою?..
Детство — словно за стеной,
За большой войною.

За войной-то за войной,
Но крутым обвалом
Проводок его живой
Все ж не перервало.

Вот сижу я как-то раз,
Занимаюсь делом,
А во мне — неровен час! —
Что-то вдруг запело.

Заседание... Бюро!
Тут же, мать честная,
Из души сверлит нутро
Песенка смешная:

«Чемберлен большой чудаки,
Радиолобитель.
На ночь ставит под кровать
Громкоговоритель...»

И поплыли — так чисты! —
Кадры, на которых —
Огнегивые костры
Пионерских сборов.

Как звенели в тишине
На лесной опушке
Политически
 вполне
Зрелые частушки!

«Мы не знаем слова «ложь»
И глагола «предал»!..»
Слышу:
 — Ты чего поешь? —
Шепоток соседа.

И очнулся... А вокруг
Что-то вроде прений.
Видно, слушать недосуг
Им о Чемберлене.

Я теперь уже — молчок,
Ибо будет скверно.
Сбоку шепчет острячок:
— В детство впал, наверно...

Черта с два! Не угадал...
А другой мне: — Выпил?..
Плохо, если в детство впал,
Хуже — если выпал.

Так что, милый мой остряк,
Жалишь ты не больно...
Было так или не так —
Точно я не помню.

Тетя Поля

— Теперь, — предшественник сказал, —
И володей, и властвуй!
И с этим на руки он сдал
Мне сборочный участок.

— Участок, брат, передовой! —
Добавил с тихой болью. —
А без меня тут
за тобой
Присмотрит тетя Поля.

И комплектовщице шутя:
— Бери же под начало!..
— Ну, впрямь, как малое дитя!
Та глухо проворчала.

И все ему глядела вслед
По-матерински строго:
— Ишь, видно, на покойный хлеб
Нашел себе дорогу...

Не понял я ее намеков,
А стало так неловко...

Ей дела нет — что говорят!
Но как всегда — некстати!
И смотрит, смотрит — этот взгляд,
Ну, как водой окатит!

А то — гудок, и ты — в пальто
И прощевай, заботы!..
А тут вдогон: — Ему-то что?
Оклад, вишь, отработал...

И так не проходило дня!
Тут лезешь вон из кожи!..
И я вспыхнул:
— А до меня,
Тот — значит, был хороший?..

— А что? Зазря не упрекну.
А ты-то что надулся?..
И вдруг добавила, вздохнув:
— Теперь, поди, свихнулся...

Ах, тетя Поля!
Плач и смех,
Как расставались грустно,
Когда и я ушел «наверх»,
Под новую нагрузку.

И хватит выучки с меня!
Но после, как ни странно,

Все, как потерю, вспоминал
Я своего «тирана».

Уже былой растратил пыл
На длинном перегоне,
Друзей былых перезабыл,
А тетю Полю помню.

Она ушла за окоем,
Лишь пирамидка стынет.
А все с оглядкой на нее
Живу я и поныне...

Высота

Леониду Дроздову

Мне бригадир — бетонщик-ас,
Назначил встречу
Здесь, где плотина поднялась
Хребту по плечи.

Ему, видать, не до гостей —
Неразговорчив,
И сразу видно: на людей
Весьма разборчив.

Но так звенел вокруг простор
И высь светила,
Что подавить в себе восторг
Я был не в силах.

А он же хмурился слегка,
Видать, задело:
Считай, мол, сделали пока
Еще полдела.

Ну, это он уж чересчур!..
Но, путь наруша,
Провалом,
 в ребрах арматур,
Дохнуло в душу.

Тот вечный страх пред пустотой
Попробуй спрятать!..
А он сказал мне:

— Ты постой,
А мне к ребятам...

А сам по балочке пошел,
Как бы по тропке,
Все так же в поступи тяжел
И неторопкий.

Он шел и шел — я даже взмок,
И, словно плетью,
Казнил себя: а ты бы смог?..
Не мог ответить.

Он у соседей «погостил»,
Назад вернулся.
— Не страшно эдак? — я спросил.
Он улыбнулся:

— Ну, ясно, это же не «ТУ»
При мягком кресле.
Но мы ж поднялись в высоту
С плотиной вместе.

С такою гордой простотой
Он мне ответил,
Как будто сам был высотой
С плотину эту.

Ожидание

Вглядитесь,
Как люди полны ожиданьем!

Ждут робкие девочки
Первых свиданий;
Сентябрьских открытий —
Душа первоклассника;
Рабочие ждут
Пролетарского праздника.
Ребенка
Тревожно ждет тихая женщина.

Так каждому
 что-нибудь в жизни
Обещано.

Ждут люди:
Девчонки зубрят без умолку
Стандарты признаний
Различного толка;
Оснастку для школы
Опробовал шкода;
Все выше
Рабочие темпы завода.
И женская грудь
Молоком закипает...

Ждут люди.
А словно бы наступают!

Шел дождь неделю — и Сулук
Грузнел от грязи непролазной,
И не до нас ему, так вдруг
Свалившихся, к тому же праздных.

Есть сдаточный жестокий срок!
И люди силы напрягали,
Затягивая в узелок
Стальные нити магистрали.

А тут, на нет сводя труды,
Природа, словно бы в отмщенье,
Вдруг принялась
в разгар страды
За выяснение отношений.

И выяснила. Но еще
Даль закрывал туманный полог,

Где сопки мощное плечо
Держало бережно поселок.

Оттуда доносился гул
Машин — натуженный, неровный,
И вырывалась сквозь тайгу
Дорога наискось к перрону.

И лиственниц тяжелый строй...
И здесь, в глуши, среди потопа
Вокзал в отделке дорогой
Был — как усмешка филантропа.

И мне понятен был мой друг,
Когда, форсируя траншеи,
Он размышлял ворчливо вслух,
Что «строить можно подешевле».

Но как-то вдруг
 из плена туч
На волю вырвалось светило —
И прояснило абрис круч,
И светом мрамор окатило!

И засветилось изнутри
Отвечно мраморное тело,
И ровным отсветом зари,
Живое, вспыхнувши, горело,

И, вынырнув из сентября,
В нем трепетал пейзаж таежный,
Как бы разглядывал себя
Впервые в зеркале неложном,

И над тайгою вековой
Открылся острокрыший остров,
И лиственницы вокруг его
Толпились весело, как сестры.
И запах праздничный смолы
К нам нанесло оттуда с ветром...
Вот так из сумеречной мглы
Россия
вынырнула к свету.

Не век отмерили — года,
Но — научились, можем, смеем!
А сколько стоит красота,
Так это солнышку виднее.

По долгу или по вине —
Но в этой жизни скоротечной
Должны мы строить на земле
Вот так, с прикидкой на вечность!

* * *

Вспомнил, контуженный
До одуренья бессонницей,
Под самолетный,
По окнам ударивший гул,
Дальний поселок
горняцкий
По имени Солнечный —
Словно по лучику к солнцу
Из ночи шагнул...

Помнится,
Был я нелеп,
Точно хлюстик нафабренный,
В модных штиблетах
Пижон из журнальчика мод,
В чреве грохочущей
Обогатительной фабрики,
Где совершался
Жестокий руды обмолот.

Камни крошила
Железная сила крутая,
Мутные воды текли
Лабиринтом запруд...
Шел я за гидом своим,
Напряженно вникая
В смысл и механику

Обогащения руд.
Гид-инженер,
Исчерпав красноречие в числах,
Свел объясненья
К идее наивно простой:
Обогатить — если проще,
То значит — очистить,
Значит, руду отделить
От породы пустой.

Так он сказал —
Упрощенно,
Но как убедительно!
Мельницам верьте,
Умеющим камни дробить!
Это доказано фабрикой
О-бо-га-тительной:
Обогащаться —
Не значит богатства копить.

Представитель

Как морозы лютуют
В запурженных зейских верховьях!
Словно бы аттестуют
Людей по любви и здоровью.

Все же, как ни бахвалятся,
А в поселочек, точно по времени,
Каждый день пробивается
Вездеход из предутренней темени.

Так уж, видно, угодно
Отряду военных строителей:
Не считаясь с погодой,
Высылать своего представителя.

И машина серьезная
У оградки замрет аккуратненько,
Выйдет в темень морозную
Представитель по имени Катенька.

И взбежит на крылечко
Всепогодно веселого здания,
Прокричав через плечико:
— Товарищ сержант!
До свидания!..

И от имени части
Козырнет ей водитель отчаянный:
Как-никак, а начальство,
Если учится в школе начальной!..

Батальон наступает —
И дорожная насыпь бугрится.
Батальон понимает,
Что сверх штата — одна ученица.

Батальону не сладенько,
Потому как земля — что гранит.
Только помнит и Катенька:
Замполит — это не Айболит.

Он придет неожиданно —
Уж такой у него недостаток —
И не скажет обидного,
Потому как в оценках он краток.

Он раскроет на скатерти
Дневничок и на стуле устроится.
Да ка-а-ак скажет ей:
— Катенька!

Что-то троечек
вроде б утроилось!?

И ее объяснения
Он, конечно, поймет,
но нахмурится,
И от этого мнения
Впору выскочить Кате на улицу!

Но, со стула поднявшись,
Он ее над собою подбросит!
Станет вовсе не страшно:
Ничего-то он больше не спросит!

Станет сразу моложе,
От мороза трескучего жаркий.
Станет очень похожим
На солдата того, в Трептов-парке.

* * *

Лес вывозят.

Дика, обезлесев, земля,
Обреченная на затопление.
И ползут на подъем, надрываясь, пыля,
Тягачи, обрывая сцепление.

А меня снова в память уводит тропа,
Где зарубкою — СЛОВО: бывало,
С ним, как с камнем на шее, я в сны
утопал
И всплывал, когда солнце всплывало.

Это слово запомнил я памятью ног.
Сколько с матерью мы исходили дорог!
И военных — голодных, плакучих...
Вот бредем — я за нею плетусь, как
щенок,
За плечами на лямках — с картошкой
мешок,
Это значит, что жить будем лучше.

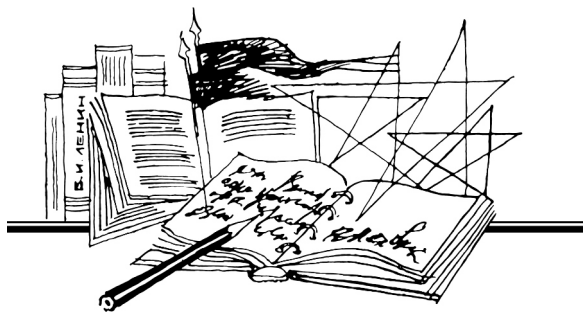
Километры дорога идет на подъем.
Мать, меня, бедолагу, жалея:
— Потерпи, — говорит, — вот
тянигус пройдем,
А под горку уже веселее...

А тянигус все тянется вверх, как змея,
Извиваясь, а ноги не держат...
Он во сне еще будет тиранить меня,
Чтобы завтра держался я тверже.

А когда я учился — и вспомнить смешно!
 Это слово и слепо, и куце
 Вдруг всплывало, немислимое оно,
 Средь
 тригонометрических функций.

Скажут — «тангенс» — и сразу —
«тяги́гус» всплывет,
Словно боль сквозь ученую книгу...
Может быть, математика
 примет в расчет
Эту функцию жизни — тянигус.

Кружится мир воронкою бездонной.
И я опять на Тыгду в скором мчу.
Молчит сосед купейный отчужденно.
Молчит пока. И я пока молчу.

Но вот он папиросу вынимает
И спрашивает:
 «Можно прикурить?..»
Но я-то вижу, я-то понимаю,
Что хочется ему поговорить.

Поговорить — что хлебом поделиться!
И значит, перейдя души порог,
Во мне, случайном,
 как бы поселиться
На некий неопределенный срок.

Я открываю двери «новоселу»:
Входи, входи,
я рад тебе — селись...
И, как поленья, пламенем веселым
Слова беседы нашей занялись.

Слова — дрова. Им полыхать невечно.
И, может быть, не стану я жалеть,
Когда исчезнет тихо и беспечно
Души сугубо временный жилец.

Уйдет — как из вагона на перрон...
Но вот однажды, в час осиротелый,
Почую: а на сердце потеплело!
И вдруг пойму, что возвратился он.

Створ надежды

Освободиться бы от укоризны...
 Бабочкой на рукаве Тукурингры
 Спит городок.
 Бредит плотина порывом высоким —
 Бредит она электрическим током
 В створе дорог.

Ток — это свет, это жизнь, дорогая!..
Но проступает плотина другая —
Мы, как рабы
Мелочных дрызг,
так нелепо упрямо
«Строим» ее из житейского хлама
В створе судьбы.

Нижe плотины — река обмелела,
Нижe плотины — любовь отболела...
И умерла?
Выше плотины — морская безбрежность,
Выше плотины — скорбящая нежность...
Не помогла.

Кто нам подскажет, какое решение?
 Жить, уповаючи на воскрешенье
 Или ко дну?
 Веровать в то, что всегда неизменно,
 Зная,

Что как это несовременно —
Быть на луну?..

Надо же было случиться такому.
Надо же было
к чему-то простому

Чувства питать!
Мы же питали к тому, что летает,
А оказалось —
То воронов стая...
Что ж тут роптать.

Звезды колышутся
В медленной Зее —
Кто-то надежду поле засеял —
Вдруг уродит?
А надо мной,
Над вершинами сопот,
Весело путая все гороскопы,
Спутник летит!
Что, непутевому, может быть слаще
Зова светил?!

Вон на ладони пространства земного
Линию жизни
Легко и рискованно
Он прочертил.

* * *

Вот завершается круговорот,
Эхо аукнет гусиному клину.
Отплодоносил
 мой сад-огород,
Вырезать надо сухую малину.

Только природе не ведома ложь.
Гуси печалятся, вдаль улета...
Отплодоносила —
 значит, под нож...
Ишь, как окрепла лоза молодая!

Любо весною глядеть будет мне,
Как она к небу высокому прянет...
Нынче ж лозу пригибаю к земле,
Чтобы мороз не обжег ее ранний.

Нынче пригну, а потом, к холодам,
Из междурядья земель прикопаю:
Перед морозом в обиду не дам —
Пусть сохранится лоза молодая!

Ворохи старого лозняка
Вынесу в устье дорожной развилки...
Только б скорей заметали снега
Холмики,
 грустные, как могилки.

Вешний зимник

В. Борзыкину

Как много вдруг

в одном сольется слове:

И радость встреч — попробуй, передай! —

И край родной, открывшийся, как внове...

Все вспомню вновь и выдохну:

— Сукпай...

Поселок мой, клянусь, как перед богом,

Мне после стало думаться честней!

И вспомнилась обратная дорога,

Обратная — она всегда грустней...

Пока мы познавали жизнь на ощупь,

Безжалостно сердца глаголом жгли,

Весна все больше набирала мощи,

И ясно, что дороги потекли.

Народ бывалый пожимал плечами:

Мол, эту глупость просто не постичь,

Когда, сверкнув безумными очами,

По зимнику рванулся наш «Москвич».

Какой он зимник, если — без мороза!

Уже к обеду на дороге сей

И лесовозы проливали слезы,
В марь зарываясь глухо до осей.

Есть колея, хоть и за ямой яма,
Рабочая — и все бы нипочем,
Да вот в нее не вписывался явно
Писательский веселый «москвичок».

И он юлил на этой гиблой ленте,
То вдруг взрывался бешенством колес,
А то и вовсе
 неинтеллигентно,
Сорвав глушитель, он на брюхе полз.

Из тягача, что обходил неспешно
Нас, бедствующих,
Глядя свысока,
Суровый парень покрутил с усмешкой
Обидно очень пальцем у виска.

А наш шофер — он весь сосредоточен,
Он только взгляд на миг один скосил...
— Давай, Витек!
Мы тоже из рабочих,
Не может быть, чтоб не хватило сил!

Так и должно быть,
 если наши песни
Прописаны в таких местах глухих.
А жизнь — она похуже булки пресной,
Когда в ней происшествий никаких...

Как принял нас приветственно лесочек,
Когда мы одолели колею!
Мы бережно и нежно на пенечек
Поставили безгрешную свою.

То — не беда. Мы вылезли.

Мы вправе
Пригубить чарку за такой «пробег».
Притом шофера надобно поздравить,
Поскольку он — рабочий человек.

— Давай, Витек!

Поразомни ладони,
Разбитые, над тихим костерком.
Мы тягача в пути еще нагоним:
Ему и на асфальте нелегко.

На путине

День за днем в напряженье веселом
Жизнь путина держала без сна.
Вдруг — затишье объяло поселок,
А за полдень — совсем тишина.

Председатель, сердитый и скучный,
Время — деньги, сидеть не резон,
Не до радости,
 если ловушку
Перекрыл на сегодня закон.

Он сидит, раздраженье скрывая,
Охнет, как от укола иглы,
Вспомнив, сколько сейчас проплывает
Мимо рук его
 красной икры.

Он, добытчик, обижен серьезно,
Только не на что нынче пенять...
И от хмурой конторы колхозной
Я ушел по заезку гулять.

По заезку над тихим лиманом
Я от берега вширь уходил
К той черте,
 где ловушкой обманной
Обрывался дощатый настил.

И увидел:

 в косыночке алой
Подле сваи, воды не боясь,
На коленках девчонка стояла,
Напряженно к воде наклонясь.

С интересом присел я на сваю:
Что за невидаль видится ей?
Слышу шепот ее:

 «Голубая...»

И со вздохом: «В воде голубей...»

Я вгляделся — и ахнул по-детски:
В глубине, голубея слегка,
В свете призрачном, зыбком нерезко
Проступала спина косяка.

Обойдя хитроумные снасти,
Он на нерест пойдет напрямиком...
Я взглянул на девчонку и —

 «здрате!» —

Я же с этой девчонкой знаком!

На засолке в путинном накале,
В общем ритме, что так напряжен,
Видел я, как девчонка пластала
Рыбы плахи рыбацким ножом.

Словно легче и нету работы,
Той, в которой, порой, не до сна...
Пряча руки в карманчики кофты,
Почему-то смутилась она.

Как-то под осень...

Как-то под осень
Траншею я рыл с мужиками
(Много уж лет
С той далекой поры разменял...)
Всем существом своим

слабым,

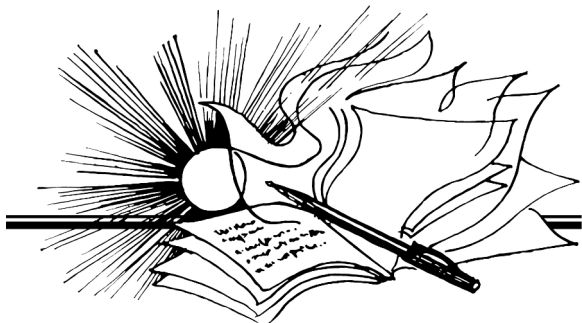
Руками, ногами
В грубую твердь я
Тупое железо вгонял.

Что мужику?
Он и голову в дело включает,
Да и по прочим параметрам
Мне не ровня.
Все же кайлил я,
Все более ожесточаясь,
Но и земля
Не жалела, конечно, меня.

Вдруг подошел бригадир,
Надо мной наклонился,
И головой покачал,
И, простудно сипя,
Странно сказал: «Молодец!
(Словно в чем усомнился)
Поберегись,
Чтоб на завтра хватило тебя...»

Вот о чем вспомнил
В дыму полуночного часа!
И удивился,
Тревожные мысли гоня.
Что-то все чаще мне
Думаться стало боязно:
Хватит на завтра —
 хотя бы на завтра! —
Меня?

* * *

Поэзия, прости
Рабу его гордыню...
Синицею в горсти
Ты виделась доныне.

О, этот тяжкий труд —
И нет тебе покоя!
Подъем к вершине крут —
А что она такое?

Достать рукой светил —
На что дерзнул, о боже!..
Есть нечто, выше сил,
Но
 головы дороже!

Старик и море

Он море знал,
 как знают ветры — флюгер.
Всю жизнь, и проклиная и любя,
Он отдавал ему, врагу и другу,
За каплей капля, самого себя.

Оно его то к небу возносило,
То низвергало с пенной крутизны.
Хотя и сердце в нем не укротило,
Но выветрило жизнь до белизны.

И — на прикол...
 Но каждый день, утрами
Он шел к нему, что кочерыжка сух,
И приседал у берега на камень,
И слушал, слушал, напрягая слух.

А море рядом гроыхало грозно
И припадало, как щенок, к ногам.
А он сидел, покачиваясь. Слезы
Соленые
 стекали по щекам.

Уже больной,
 прикованный к кровати,
Когда, как говорится, все одно,

Кричал он в мир, забитый плотно ватой:
— Ну отворите ж, дьяволы, окно!..

И слушал море...

Но однажды потом
Облился он — и, замерев на миг,
— Все... Не шумит... Не слышно...

Отработал, —
Сказал — и с этим отошел старик.

А море серебрилось, как полуда,
Не помышляя о добре и зле...
Вот до тех пор и живы мы,

покуда
Нас держит голос жизни на земле.

* * *

Что происходит со мной
Этой стылой зимой?
(Этой зимой
И деревья, стеная, не гнутся!)
Словно бы мир от меня
За стеклянной стеной —
Все, что люблю
И к чему так хочу
Прикоснуться.

Что происходит?
Не сам ли тому я виной?
Все выскальзает,
И, падая, блюда не бьются.
Мимо несутся
И этот вот парень хмельной,
Женщина эта,
Лукаво успев улыбнуться.

Друг мой, не зная,
Что я уже — глухонемой,
Что-то кричит мне,
А я его вовсе не слышу...
Что там увиделось в дали,
Такой неземной?
Что там прояснилось
Неба холодного выше?

Все, что люблю,
Не избыл в себе,
Нет, не забыл —
Женщину, небо, детей, перелески,
Плотины...
Может, за все,
Что всей жизнью,
Всей кровью любил,
Слишком уж дорого
Сердце мое заплатило?..

Что происходит
За лесом,
За дымною мглой
Дня заводского
И зова, такого простого?
Кто там, жестокий,
Алмазною режет иглой
Это стекло голубое
Над крышею крова?..

Уж не за тем ли,
Чтоб в этот пролом с высоты
Встречно спланировал
Горько улыбчивый вестник,
Чтоб увести за собою
Туда, где цветы,
Даже цветы дорогие —
Из кровельной жести?

Но ведь недаром я жил,
По-солдатски в строю,
Чтоб не достало —
Когда уже не шелохнуться —

Сил,
Чтоб рвануться ко всем вам,
Кого я люблю,
Чтобы руками, губами,
Щекой прикоснуться!

Домовой

Тем город меня не обидел,
Что мне для пристанища сдал
Совсем не отель,
но обитель —
Как славно я в ней обитал!

Был старенький дом двухэтажный
 Хорош не набором утех —
 Простою заботой о каждом,
 Не так, чтобы скопом — о всех.

И все получалось культурно,
И все постояльцы — свои...
Мы с теткой приятной, с дежурной,
За полночь гоняли чай.

И тихо вели мы беседы,
Так, словно бы нянча покой,
О разных нечаянных бедах
И просто — о жизни людской.

А после, когда я склонялся
Под лампою в стиле «ампир»,

До странности как-то сгущался
В пространстве и времени мир.

Хотя и без страха и паники,
Себя ощущал между тем
Попавшим в хранилище памяти,
Притом не абстрактно совсем.

И вот равновесие сразу
Разбилось, как будто стекло!
И прошлое,
 как по приказу,
Свои голоса обрело.

И сразу же разноголосо
Откликнулись бревна в стене:
Смешались ответы, вопросы
И выкрики, как на войне.

И стук — не ко мне ли стучатся?
Во мне ли им надобность там?
Я так и скажу:
 не причастен
Ко всем вашим прошлым делам!

И думалось мне боязливо
(Такое случись наяву!):
Какой я, однако, счастливый,
Хотя б потому, что — живу!

И с мыслью такою позорной
Тревожно ко сну отходил...

Я этой историей вздорной
Дежурную разбередил.

Она причитала: — Как можно?
Качала, смутясь, головой,
В глаза мне глядела тревожно:
— А может быть, то — домовый?..

Добавив совсем бестолково:
— Опять вот накликать бед!..
— А видел ли кто домового?
— Кто видел, того уже нет.

Уж он-то представит, что хочет!..
В окошке кривилась луна,
И слышалось: кто-то хохочет...
И перекрестилась она...

Тот город не балует пресса,
А сколько воды утекло!..
Быть может, нажимом прогресса
Тот домик давно уж снесло.

И где домовый обитает,
Уж если не помер еще,
Который один лишь и знает
О прошлом доподлинно все?

Кто в ступе и правду, и небыль
Для смуты так славно месил...

Того, кто в том городе не был,
Я съездить бы очень просил.

А в доме гостином — направо,
Как помню в сумятице лет,
Спросите дежурную Клаву
И ей передайте привет.

* * *

- Где же начало твое, человек?
Где же начало?
- Помню, в начале меня
моя мамка качала.
- В чем же твое, человек,
назначение в жизни?
- Лучше спросите об этом
у милой Отчизны.
- Что ты хотел бы для счастья,
себе в одаренье?
- Счастья ребенка,
в насквозь високосное время.
- Что ты боишься утратить
пред вечным причалом?
- Память,
в которой меня моя мамка
качала...

* * *

Все, что было — отпылило,
Отпылало — улеглось...
Славно время отпилило,
Отделило, как пришлось,

От еще живого древа,
Где с расчетом, где сплеча,
Все, что вовсе омертвело,
И живое вгорячах.

И на срезах выступала
Накипь горькая — смола...
Все же древо не пропало
Под пилой добра и зла.

Лишь темнело на изломе.
Видно, всем чертям назло,
Не на жирном черноземе
Это дереворосло.

А взросло на почве грубой —
Может, тем она любя,
Вся соленая до глуби,
Как российская судьба.

* * *

Дочери Юлии

Не какие-то яства,
До которых ребенок охоч,
— Ты привез бы мне
царство! —
Просила проказница-дочь.

Чтобы, значит, с короной,
Драгоценности чтобы сполна...
Ей бы царство
с коровой —
Такая худая она!

В городке незнакомом
Обошел магазины не раз,
На вопрос свой законный
Везде получаю отказ.

— Ишь чего захотели!
(Продавщицы насмешливый тон.)
Ни в одной
 промартели
Не делают нынче корон!..

Всевозможных расцветок
Карусель самоходных авто...
Предлагают ракеты!
Да только все это — не то.

Так красиво и точно
Современный скопирован быт.
Ну, а малая дочка
Королевою
 хочет побыть!

Говорят, что эпоха
Отменила дома-терема.
А выходит, что — плохо,
Если в золушках сказка сама.

Мне за дочку обидно,
Я, наверно, на что-то решусь.
Может, с помощью МИДа,
С королевой заморской спишусь.

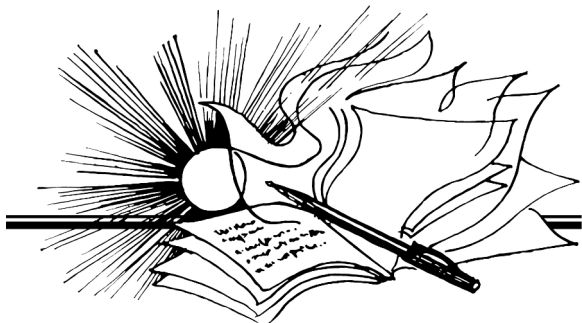
Дескать, Ваше Величество,
Вам не скучно там, в райских краях?

Есть работа приличная:
Производство корон на паях.

Мы б вас так загрузили!
(Консультантом хотите в местпром?)
Чтоб во всех магазинах
Для девчонок
с запасом корон!

И от славы порочной,
Где обман и кровавая месть,
Пролетарская дочка
Защитит королевскую честь.

* * *

Войди в весну.
Поверь ее посулам:
И солнцем истекающим
Сосулькам,
И голубому таинству
Проталин,
Пробивших ноздреватые снега,
И всей земле,
Открытой для братанья,
Как никогда, быть может,
За века.
Проникнись временной метаморфозой:
Снег —
Тонкое творение мороза,
Что в эту пору
Так напоминает
Раздумья застарелые твои,
Берет весна в ладони —

И сминает,
Что значит — воду талую
Творит...
Ты походи подольше.
Помолчи.
И ноги в талых водах
Промочи.
И чуточку растерянно и жутко
Почувствуешь,
Невольно оробев:
То, что со снегом происходит
Жухлым, —
Незримо происходит
И в тебе...

* * *

Он позабыл об отцовском запрете!
Иль не хотел оставаться в живых?..
Рвут поводки
 безоглядные дети.
Что ж остается родителям их?

— Как ты за дерзость
наказан жестоко!
Лучше бы сам я тебя наказал! —
Средь пирамидок, крестов одиноких
Я над могилою сына шептал...

Прощанье

Н. Петропавловскому

Недолго ты в моем дому
Гостил — и вот отчалил...
Вслед самолету твоему
Я погляжу в печали.
Легко тебя вбирает высь,
А грустно отчего-то.
Не потому ль, что наша жизнь
Порой короче взлета.

Ее хватает-то всего
Порою для разбега...
Короток путь от твоего
До моего ночлега —

То ты ко мне, то я к тебе,
Да не выходит что-то.

А все выходит по судьбе.
А что в ней? А работа!

Ну что ж... Пойду-ка в свой «ангар»,
Главу склоняя долу.
Но ты еще не так уж стар,
Хоть я не так уж молод.

И опускать не стоит рук
Под этим небом вечным.
Ты будешь жить всегда, мой друг,
От сердца недалеко.

* * *

Прошлого стали стираться детали.
Прошрое, воле моей вопреки,
Вдруг полыхнет из померкнувшей дали
Светом простора,
дыханьем тоски.

В этих отрывках страдаетя сладко
От нарастающей поздней любви,
Горе,
 немыслимое до припадка,
Счастье,
 замешанное на крови...

Вспомнить:
 когда и какое число...
Помнится все,
 что однажды прожгло.

* * *

Вовсе не скучно под серою сенью.
Сам я стал тихим,
Как дождик осенний,
Осиротелым полям не постыл.
И ничего наперед не обещано...
Дождика в листьях
Невнятица вещая
Выше пророчеств кукушки
Пустых,
Только постичь ее люди
Бессильны...
Перескажи,
Переводчик-осинник:
Что там творится сейчас
В небесах?
Сколько
Отмерено мне на часах?..

Большая вода

— На «Буйном» пойдете.
Ты слышишь меня, старшина?!
А тот, отвернувшись,
Угрюмо сидел у окна
И только дымил,
Как буксир на крутом развороте...
Начальство добавило:
— Груз заодно заберете.
Он так говорил,
Словно в чем-то меня упрекал.
Но я же по службе!
А литера срок истекал —
И я торопился,
Мне надо успеть к теплоходу!..
Услышал:
— Куда я
В такую большую-то воду?

А Васька, ты знаешь, —
Какой он сейчас моторист...
Начальство нахмурилось:
— Шел бы ты лучше на пирс!..

Шел катер, болтаясь
В разгульном,
в осеннем пространстве

Пустым поплавочком,
Оторванным штормом от снасти.
Я в рубке сидел,
К переборке прижавшись спиною,
И мучился молча
Неясной, но явной виною.
Был хмур старшина —
И ведь надо же так невзлюбить!
Я бросил попытки
Глухое молчанье пробить.
Вот так же молчал он,
Когда мы шагали к реке,
А я бестолково
Не к месту шутил налегке.
Он спрыгнул на палубу,
Крикнул над люком машинным:
— Давай заводи!..
И приправил все матом аршинным.
И вдруг, повернувшись,
Спросил меня:

— Бабу имеешь?..
И сам же ответил:
— Что-что, а уж это успеешь...

Шел катер — и брызги
Долбили стекло лобовое,

Сквозь плащ переборка
Тепло отдавала живое.
И можно вздремнуть бы
Под музыку выхлопов мерных,
Но дрожь переборки
Вонзалась —
и била по нервам!
И чувствовал я,
Что в машине там
что-то нечисто,
И где же он, Васька,
Как звал старшина моториста?
Он, может быть, пьяный,
А может, и просто больной?..
Там крики, там всхлипы,
Как помпы засос затяжной.
И надо же влипнуть!..
А вот и машина заглохла.
— Ну вот, началось, —
Процедил старшина
и со вздохом
Он вышел из рубки,
И ясно в пустой тишине
Взвинтилось до визга:
— Не трогай!..
До лампочки мне!..
Но двигатель рыкнул,
Как выругался захлеб,
И — хохот безумный:
— А ты ей заказывай гроб!..
Вошел старшина,
Леденяще опасный, как омут:
— Нам что? Мы домой.
Да нельзя туда Ваське такому...

Прижег папиросу,
Сведя переносицу хмуро:
— Двоих нарожала ему,
А ведь спуталась дура...
И вновь замолчал он...
И снова споткнулся движок!
И вновь старшина,
Матерясь, папироску разжег.
Вперед наклонился —
Рука на щиточке приборном,
Угласто топорщился плащ
Над спиной непробойной.
И было так тихо,
Что слышался говор реки,
А катер сносило
В затопленные тальники,
И гибло валяло,
А небо завесило мглой...
И снова тревога
Вошла под лопатку иглой!
— С собой бы не сделал чего, —
Размышлял старшина.
— Пойду погляжу я, —
Во мне всколыхнулась вина,
И вышел из рубки,
Надвинув поглубже фуражку.
А ветер шальной
Разгонял по Амуру барашки.
До люка за шаг
Я услышал вдруг:
— Не подходи!..
Вздохнул облегченно:
Живой, только пьяный, поди...
И — грохнуло вдруг!

И горячий
 стремительный рой
Пронесся впритирку
 в простор
Над моей головой.
И — пороха запах.
И время вдруг
 остановилось.
А в темени люка
Рычало, корежилось,
 билося
Нелепое что-то,
Но тут же железные руки
Рванули меня:
— И чего же надумал он, сука!..
И сразу пробило
Ознобом до немочи страшным.
А в волнах кружилась
И вниз отплывала фуражка,
И все не тонула,
Эмблемкой на вскидке светясь.
И голос донесся:
— Сейчас заведу я, сейчас...

Мы шли еще час
В загустевшей до сумрака мгле,
И глыбой беззвучной
Стоял старшина на руле.
Он лишь на причале,
Приблизясь, чтоб руку пожать,
Сказал мне прозрачно:
— А Васька хотел попужать...
И взгляд притушил он:
— Со всеми бывает, но реже...

На котором улыбка — как роскошь,
А этот,
 в рубашке голубенькой,
Словно сиротской —
Кто это?
Лицом, точно небо вчерашнее, мглист...
И тут осенило:
Так это и есть моторист!
Он морщился весь,
Он не знал, куда руки девать.
А я же,
Я взгляда не мог от него оторвать!
И мне не подумалось:
Вот он, кто мог и убить,
А странно:
 «Неужто вот этот
Так может любить?!»
И тут же почувствовал,
Как покраснел, от того,
Что — кто я такой,
Чтоб вот так вот
 унизить его?!
И голос мальчишеский
Словно бы с неба мне был:
— А папка сегодня
 ружье о лесину разбил!
И сразу очнувшись,
Увидел я рядом мальчонку —
Как будто наткнулся
Средь хлама весны на скворчонка:
Он замер восторженно,
Голубоглаз, белобрыс.
Таким вот, наверно,
В мальчишках и был моторист.

Я думал о счастье
Быть в судьбах случайных
Нелишним.
Но линия судеб
Вдруг линией стала
прицела —
И палец на спуске
Напрягся уже
до предела!
И некому крикнуть
и бросить на землю:
«Ложись!..»

А Васька
стреляет
В свою растреклятую жизнь!..

Мне громом последним
Ответила глубь небосвода
Над прутиком тонким
Антенны и громоотвода.
Вода под форштевнем
Кипела, от пены бела...

Фуражка
простреленная
Где-то в низовья плыла...

* * *

До предела нынче обмелела
В паводки серьезная река:
Пережат вдали полоской белой,
Странно обнажились берега.

Но по водной глади обмелевшей
По-щенячьи носится вразброд,
Словно еще больше осмелевший,
Звонко тараторящий «дюрфлот».

Жми себе зигзагом и по кругу,
Весело испытывай судьбу,
С тайной верой выловить белугу,
Хоть и снасть едва ли на плотву.

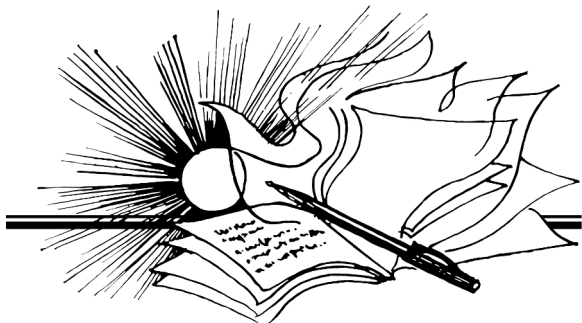
Мели, пережаты ль в дали зыбкой —
Режь себе податливый простор,
Коль в запасе — право на ошибки
И совсем новехонький мотор!

И летят лодчонки невесомо,
Словно и вода им ни к чему!..

Это чувство было мне знакомо,
Молодость — название ему.

И завидую до грусти темной
Им, снующим лихо кто куда:
Ведь не та уже грузоподъемность
И осадка, стало быть, не та.
Но еще под солнышком высоким
Далеко мне до большой беды...

Мечутся моторки по протокам,
Флот тяжелый ждет большой воды.

* * *

Отчего в потоке света
Ты так мрачен, живописец?
Что с мольбою
 над мольбертом
У небесной просишь выси?

На стезе многотерпенья,
Знаю, только-то и надо —
Проблеск
 молнии прозренья,
Чтобы выйти к свету правды...

Брось! Запутался... Не майся!
Все, что жгло, то прогорело.
Ты руке доверься, мастер,
Пусть рука продолжит дело.

Ей — как праздник на неделе!
И в порыве простодушном
Пусть займется, в самом деле,
Производством завитушек.

Ишь как весело резвится!
Вкривь и вкось мазки косые —
Словно бы
 по половице
Чьи-то ноженьки босые!

Ты, кто сам себе наскучил,
Чем так радостно взволнован?..
Ишь,
 нашла дверную ручку
В темноте родного дома!

* * *

...Расцвел багульник, бледнолик
и скромн,
И на могиле моего отца...
Сруб ставил мой отец,
да так и помер,
Не уложив последнего венца.

Топор дрожал, в бревно на палец всажен,
Хозяина с обеда ожидал...

Он не отмечен в подвигах отважных,
Хоть топором добро он утверждал.

Не топором — чтоб кровь на острие,
А топором — чтоб избы на земле!

Изба. Мой дом.
Над детскою кроваткой
Любимая, дыханье затая.
А за окном, светло и неохватно,
Немереная Родина моя!

Вот так и жить — чтобы любить и слышать
Дитя родного тонкий голосок,
Оберегая под родимой крышей
Своей по крови
Родины исток.

Недаром же родитель ставил избы
По всей округе, щедро и любя:
Коль нет избы, то значит — нет Отчизны.
А нет Отчизны — значит, нет тебя.

Как терпко пахнет, как щемяще-хвойно
В день памяти вечнозеленый куст!
Как жизнь сама,
 в которой труд и войны,
И все-таки — счастливая на вкус.

* * *

А. Пчелкину

Высоковольтным током — провода,
Прохватит строчка
 в стареньком блокноте!..
Я благодарно вспомнил,
 как тогда
Так славно было мне в Эгвекиноте!

Свалились тучи на залив Креста.
А нам-то что, когда мы знали точно:
Родимая Полярная звезда
Закреплена над головами прочно.

Незримая, она была близка,
Она в стакане весело плескалась!
И Муза самодельная, дерзка,
С классической музою сливалась.

И взрывчатые в споре, как фугас,
Мы голоса срывали до сипенья.

Как на двоих, на распрекрасных нас
Хватало у его жены терпенья!

А потому, скажу вам, что жена
Была прекрасна тоже без сомнения.
И ласковая тундра после сна
Дарила гостю, мне, свои растенья.

Он называл их мне по именам,
И свистом позвала его евражка.
Он здесь был свой — и был,
 как тундра, сам
С улыбкой беззащитною — бесстрашным...

Я знаю, что мой друг уже давно
Оставил берег милого залива.
И с горечью подумал:
без него

Как там сейчас, наверно, сиротливо!

Не трожьте старых записей — строка
Развеселит, а болью отзовется.
Как странник, к ней пришел издалека —
Как жалок я над высохшим колодезем!

Но адрес вот... А там — Аэрофлот...
И мысль оборвалась на горькой ноте:
И встретишься — и вдруг поймешь,
что тот,
Кто друг тебе, все там, в Эгвекиноте...

Бессонница

Додумать не хватило дня
(А было суетно и душно),
И сердце — сторож с колотушкой —
Сон отгоняет от меня.

Ну что ж,
 умаянному днем,
Я пожелаю сна соседу:
Пусть отдохнет, а я присяду,
В тиши подумаю о нем.

Он плакался передо мной:
Жена... Измена... Песня спета...
Дойду, быть может, до ответа
Как быть с неверною женой.

И женщина — рука на грудь —
Пусть припадет ко сну устами.
Та, чьи глаза просить устали:
«Такого не было... Забудь!»

Я эту женщину пойму,
Пойму нежданную измену —

Как всплеск на глади жизни бренной...
И на себя вину приму.

Пусть приплывет через порог
Больниц
 к мальчишкам парус синий,
Такой, каким он снился сыну.
(А сына я не уберег...)

Я постараюсь им в тиши
Придумать песенку с лукавством:
Что ни скажи,
 а все ж лекарство,
Пусть не для тела — для души...

Тревожно дышит мрак густой.
Алхимиком над панацеей
Сию в ночи,
 задавшись целью
Переболеть чужой бедой.

А утром вскинется к плите
Сосед — и нарочито грубо
Жене он скажет:
 «Ах, как глупо
Вчера поверил клевете!»

И встанет заспанно светла
Та женщина, что изменила,

«Мой милый,
Я все на свете заспала!...»

И так прибавится людей
Вчерашним днем не омраченных.
По этой, может быть,
причине
И в мире станет посветлей?..

Песенка-заклинание

Не верь в зеленый глаз
Такси
 и в шинный шорох.
Доверишься — и враз
Набросит скорость шоры.

И значит — поделом,
Не разводи руками:
Ведь это за рулем
Твоя, родимый,
 память.

Ты жег ее, боясь,
Ты думал — не воскреснет!
Она же поднялась,
Исполненная мести!

Вот рвешься к тормозам,
А мчишься
 от порога
Туда, куда ты сам
Перекопал дорогу...

* * *

«Обид страшитесь!

Под семейной крышей
Обидам не давайте гнезда вить!»
Пусть говорят. Есть правда и повыше.
А этой нас с тобой не убедить.

Обид — их столько жизнь нам омрачало!
И вместе нам и дня бы не прожить,
Когда бы ты обид мне не прощала,
Когда бы я их мог себе
простить.

* * *

Когда затеет жизнь шальная
С тобой недобрую игру,
Не мучься, душу распиная,
А просто — рано поутру

Уйди туда, где все понятно,
Где все открыто и светло,
Где в росах сонно дышит мята
И с петухом встает село.

О, бог мой!
 Как это полезно
Услышать, лежа на боку,
Как вышибают из полена
Его зеленую тоску.

И у крыльца плеснуть с ладони
В лицо колодезной водой,
Потом, пока звенит подойник,
Болтать с хозяйкой молодой.

А после лугом выйти к речке,
Несущей к морю облака,

И слог за слогом слушать речи
Беспамятного ивняка.

Собрать костер из старых сучьев
И слушать треска разнбой...
И вдруг понять
 ясней и лучше,
Что получается с тобой.

Плутая темными кустами,
В бревенчатый вернуться дом.
Все вспомнить.
 И вздохнуть устало.
И успокоиться на том.

Куст орешника

Над материнской могилой
 подгнил уже крест.
Сизо глубок в этот утренний час
 окоем...

Словно бы падает на сердце
 с чистых небес:
Что ж опоздал ты
 к последнему слову ее?
Все поглотила глухая, холодная мгла,
Только жестокою тяжесть
 все помнит плечо.
Мне говорили соседи:

 «Легко отошла...»
Дескать, спросила: «А он
 не приехал еще?..»
Кустик орешника за ночь
 промок и продрог,
Вскрикнула ранняя птица —
 видать, невзначай...
Может, спросила бы просто:
 «Что поздно, сынок?..»

Может, сказала б
в усилии смертном: «Прощай...»

Просто... Что знают об этих словах
словари?!

Их разночтение замешано
в каждой судьбе.

Скажет «Прощай...» —
как последним тебя одарит.

Скажет «Уйди!..» — и не будет
прощенья тебе!..

Что прошептали в предсмертной истоме
уста?..

Птичка хлопочет — у каждого
дело свое.

Капля росы прозвенела,
сорвавшись с креста, —

Это ли отзвук
последнего слова ее?..

Поле одиночества

Странно:

стал ценить воспоминания.

Расставляю знаки препинания,

Словно прожил жизнь без запятых.

Ну, а жил совсем не созерцательно:

Впросительно

и восклицательно,

«Препинали» — в темноте под дых.

Жил, превозмогая передряги.

Шел по руслу наподобье драги —

Что намыл, то государству сдай!

И порою в этой крутоверти

Доставалось так нам, что, поверьте,

В самый раз — ложись и помирай.

И когда до сердца припекало,

Находился кто-нибудь бывалый

С присказкой: бывало и не то!
Кто, покойно отходя от дрожи,
Радовался: выдюжили все же!
Дескать, после — вспомнить будет что!

Вспомнить будет что...

Не размышлял я.

Жизнь текла — лелеяла и мяла,
А теперь — совсем другой резон.
На ветру душа не отгорела.
Да и жизнь как будто подобрела,
Но вошла в старательский сезон.

Сам себе — ответчик и указчик.

А приспееет в преслову́тый ящик —

Об отсрочке некого просить.

Вот и все — иди, куда захочется!

Но все чаще

В поле одиночества

Не по воле стало заносить.

Это поле тоже не повинное

В том, что по своей природе —

МИННОЕ,

Что под ряской — омута провал.

Утонуть на нем или взорваться,

Только-то и надо — растеряться,

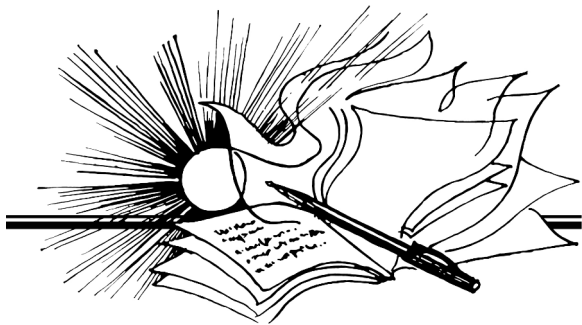
И взмахнешь рукою, и — пропал.

Вот когда тебя беда обложит,

Значит — жизнь настало подытожить,

Счастлив, коль себя не обокрал.
Потому, как в памяти — спасенье,
Где опорой — камни преткновенья,
На которых душу обдирал.

Вот и все, что я о жизни знаю.
Вспоминаю — словно отступаю
К линии провалов и побед.
И судьба мне голову не вскружит:
В черный день скажу: бывало хуже!..
Светлому — сравненья в прошлом нет.

ПЕРЕВОДЫ

С нанайского

Андрей ПАССАР

Талакан

Строителям Бурейской ГЭС

Талакан, талакан...
Вспоминаю — как вижу сквозь веки.
Тот веселый обычай
Восходит к далеким векам.
Было так:
Собираются люди лесные — эвенки
По законам природы
 весной
На большой талакан.

Талакан, талакан —
 Это празднество жизни весенней,
 Где обрядные игры
 и выбор невест,
 И богам
 Преподносят эвенки
 Зарезанных белых оленей,

Чтоб невеста досталась
И по сердцу, и по деньгам.

Талакан, Талакан...
Он, сегодняшний, весел и грозен,
Этот гордый поселок,
Растущий у грани веков.
Как смешно экскаватор
танцует,
А рядом бульдозер,
И рычаг — распугают, наверно,
Таежных богов!

Продолжается празднество!
Боги, смотрите смелее!
Будет все по обряду,
Но только еще веселей:
Как обычай велит,
Запряжем оленуху Бурею
В нарту жизни, развесив гирлянды
Бездымных огней.

И она в нетерпенье
Копытами мощно ударит —
И вперед понесется,
Огни вознеся к облакам.
И навеки веков осветит
Приамурские дали,
Из камней высекая
великую весть:
Та-ла-кан!

Дубок

Я, нанаец, прочел твои, Леся, стихи
О прекрасной и щедрой твоей Украине —
И так рвался сюда от Амура-реки,
Что дорога совсем показалась недлинной.

Как охотник,
я мягко по тропкам хожу,
Где лебедушкой ты проплывала когда-то,
С земляками твоими давно я дружу,
И меня принимают, какжданного брата.

— Здоровеньки булы! —
Мне и старый и мал.
— Бачигоапу, братья!
Бачигоапу, Леся!..
На земле твоей, Леся, я снова припал,
Как в тайге к ручейку,
к твоим ласковым песням.

Я приехал с подарком нехитрым —
и там,
Где у леса белехонький милый будинок,
Ямку выкопал
и к украинским дубкам
Подсадил я амурского их побратима.

Белоснежная Оленька — внучка твоя,
Помогала, порхая таежною птицей.

Есть все для тебя —
И поесть, и попить.
Я даже не спрятал
Ружье и пушнину,
Боясь недоверьем тебя оскорбить.

Я знаю, что держится жизнь
На доверье.
Отец мне внушал:
Постарайся понять,
Друг друга поддерживают
деревья,
А в одиночку им не устоять.

А если и ты, уходя за порошей,
Мне дров приготовишь
И чайник с водой, —
Обрадуюсь я:
Значит, гость был хороший,
И значит, ты —
Единомышленник мой.

Немая птица

Рассветные птицы
Тайгу разбудили мажорно,
Несмело вступая,
Сливались их песенки в хор —
Как будто на ниточках-трелях,
Послушные дирижеру,

Солнце дружно
 выкатывали
На остроконечия гор.

И все напряженной трудились
Над солнышком спящим,
И — стронулось солнце,
С трудом отходя ото сна,
И выкатилось —
И мгновенно на ноте щемящей,
Словно лопнули струны —
И обрушилась тишина.

И тут над собой я увидел на дереве
Птаху:

Закинув головку
И стрелочка клюва — взлет,
Она трепетала,
Как будто смелея от страха...
Как странно, подумал,
 ни звука —

А птица — поет!
И я догадался:
Так это же птица — немая!
Как глухонемые с рожденья
У нас, у людей...
Птица немая,
Себе, а не миру, внимая,
Какую ты песню
 выносила
За немотой своей?!

И я ведь, бывает,
Чтоб быть перед песнею честным,

Отринусь от мира
И стану немым, как ты.
Поэт, я ведь знаю,
Как страшно живется с песней —
С выстраданной
и страдающей
За стеной немоты.

С нанайского

Константин БЕЛЬДЫ

* * *

Когда я о тебе средь разговоров
Услышу равнодушное: — Как все...
Во мне взорвется возмущенья порох,
Забьется сердце рыбой на косе.

И вспомню: вот ты повела руками —
Коснулось дуновение ветерка.
Вот расторопно в доме меж делами
Снуешь весь день, как белочка, легка.

А вот надела платье выходное
И закружилась, словно карусель!
Запела вдруг нанайское,
родное —
Так рассыпает жаворонок трель.

И влажный блеск черемуховых ягод
Так радостен под дугами бровей.

Как ночь, неизбежной
Мне махала заря
На исходе печального дня.
И по мне там,
Я знаю,
Тоскуют березки босые,
Золотистые кудри
Роняя на плечи тайги,
И якутское небо,
Тревожась за блудного сына,
Снарядило орла,
Чтоб вершил над тайгою круги.
В сердце я сберегу,
Мой алас,
Все родные приметы,
И куда б ни уехал —
Душой с дорогими людьми.
Я стихи напишу
И отдам композитору ветру —
Пусть положит он их
На мелодию верной любви.

* * *

Ты услышишь янский говор
Дочерей прекрасной Яны* —
И ручей припомнишь горный,
Голос лебедя гортанный.

Ты услышишь говор янский
Сыновей ее на плесах —

* Л е н а — название реки (*якут.*).

Словно эхо буйной пляски
Водопадов средь утесов.
Песни янские услышишь —
Голос грусти и веселья:
В них размах — утесов выше,
Глубина в них — как ущелье...

Яна

Своенравный характер
У Яны-реки:
То, в теснинах зажатая,
Гулко
Раздает по-медвежьи утесам
Шлепки,
То сверкает песцовой шкуркой.
И опять, как безумная,
Рвется вперед...
— Ты зачем же, —
Спросил я у Яны, —
Так торопишься к северу,
Где тебя ждет
Белозубая пасть океана?
И ответила Яна,
На камнях звеня
(С укоризною или обидой?):
«Знаю я,
Что в конце ожидает меня,
Но не страшен мне он,
Ледовитый.
А спешу потому,

Что дорога длинна —
Необъятны якутские дали,
Потому,
Что родная моя сторона
Без меня обойдется едва ли.
Разве может она без меня
Расцвести,
Удивляя тебя красотой?
И не я ли тебя, бедолагу,
В пути
Ободряла целебной водою?
Одаряю добром я
Тайгу и поля.
Ледовитый меня не схоронит:
Обмелею —
Ручьями поможет земля,
Слезы радости
Тучка обронит.
А еще потому я
Так яростно мчусь,
Пребывая в извечных заботах,
Что, признаюсь тебе,
Одного и боюсь —
Я боюсь превратиться
В болото.

* * *

Я поседею от ветров,
Со временем в ладу,
И по совету докторов
Подпорку заведу.

Все так.

Но душу всем ветрам
Я выстудить не дам.
Творят в ней песни тарарам,
Как дети по утрам.

Нет дряхлых песен!

И вовек
Не будет. А поэт...
Есть просто — старый человек,
Поэтов старых — нет.

Восход солнца

Памяти Семена Данилова

Нынче в рощу успел я к восходу...
Лишь роса засверкала в лучах —
Закружились цветы в хороводе
На поляне лесной у ручья.

Стая бабочек «Танец узора»
Начинала, свершая обряд,
В хвое лиственной белка-провора
Пролетела, как легкий снаряд.

И поблескивал влажный брусничник
С тропкой заячьей наискосок,
Роща милая пением птичьим
Восхваляла за щедрость восток.

А березка-краса загляделась
В озерцо, что-то видя на дне...
Только мне в это утро
не пелось,
А вернее же, — плакалось мне.

Средь веселого гама и шума
На восходе в преддверии дня,
Словно коршун,
 печальная дума
Так жестоко настигла меня.

Вот и вспомнилось прошлое лето.
 Был покоен и чист окоем.
 В ожидании солнца
 с рассвета
 Здесь бродили мы с другом вдвоем.

Было небо над нами высоким,
Разгоралась заря не спеша...
А теперь
 журавлем одиноким
По утрате стенает душа.

Думать больно: так жизнь человека
Коротка — мы простим ее, друг! —
Что достанет до кромочки века,
До межи ее
брошенный сук.

Вот и я в свое время причаляю...
Только надо мне знать наперед:
Есть кому меня вспомнить,
встречая
Неизбывного солнца восход?

Должен знать, что, дойдя до предела
Трудной жизни,
идушим вослед
Я оставил и память, и дело,
Чтобы жизнь уходила в рассвет.

«Спит село на Осиновой речке...»/3	
Запах/5	
Город юности/7	
Возвращение/11	
Пророк/13	
Сторона дорогая моя.../16	
«Я бросил на табличку взгляд...»/19	
«Ну, отстрелялись и отголосили...»/20	
Приграничье/22	
«Девочка-птаха...»/24	
Улыбка/26	
Этот почерк/28	
«...А Русь жила вальяжно и спокойно...»/30	
Случай в порту/32	
«Черные баржи в замерзшем затоне...»/35	
«В родительском доме...»/37	
«Как густо стал я замечать...»/39	
«Детство — старое кино...»/42	
Тетя Поля/45	
Высота/49	
Ожидание/51	
Сулук/53	
«Вспомнил, контуженный...»/56	
Представитель/58	
«Лес вывозят»/61	
Новосел/63	
Створ надежды/65	
«Вот завершается круговорот...»/67	

Вешний зимник/68
На путине/71
Как-то под осень.../73
«Поэзия, прости...»/75
Старик и море/76
«Что происходит со мной...»/78
«Нет, я не каюсь, я не каюсь...»/81
Домовой/82
«— Где же начало твое, человек?»/86
«Все, что было — отпылило...»/87
«Не какие-то яства...»/88
«Войди в весну»/91
«Воск с перепончатых крыльев закапал...»/93
Прощанье/94
«Прошлого стали стираться детали»/96
«Вовсе не скучно под серую сенью»/97
Большая вода/98
«До предела нынче обмелела...»/107
«Отчего в потоке света...»/109
«...Расцвел багульник, бледнолик и
скромен...»/111
«Высокоствольным током — провода...»/113
Бессонница/115
Песенка-заклинание/118
«Обид страшитесь! Под семейной кры-
шей...»/119
«Когда затеет жизнь шальная...»/120
Куст орешника/122
Поле одиночества/124
Талакан/127
Дубок/129
Мой шалаш/130
Немая птица/131
«Когда я о тебе средь разговоров...»/133

Мой алас/134

«Ты услышишь янский говор...»/135

Яна/136

«Я поседею от ветров...»/137

Восход солнца/138

Михаил Феофанович Асламов

ЗИМНИК

Редактор *Л. С. Овечкина*

Художественный редактор *А. Н. Посохов*

Технические редакторы *Н. Б. Хохлова, Т. А. Костюченко*

Корректор *Т. В. Киевская*

Сдано в набор 29.05.84.

Подписано к печати 30.07.84. ВЛ 00151.

Формат 70х90^{1/32}. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

5,26 усл. печ. л. 5,68 усл. кр.-отт. 4,65 уч.-изд. л.

Тираж 5000 экз. Заказ 770. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство

Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.

680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1 краевого управления издательств,
полиграфии и книжной торговли.

680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Асламов М. Ф.

**А90 Зимник. Стихи. — Хабаровск: Кн.
изд-во, 1984. — 144 с.**

В новом сборнике дальневосточного поэта — размышления о сложных путях формирования человеческой личности, о художническом патриотическом долге. Один из разделов книги посвящен переводам с нанайского и якутского языков.

А $\frac{4702010200-72}{M160 (03)-84}$ 40—84

84.3

P2

50 коп.

